

02.06.23

КАК В КИТАЕ ПРОТИВОСТОЯТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ГЕГЕМОНИИ ЗАПАДА?

Китай одним из первых осознал, что в игре на чужом поле по чужим правилам невозможно выиграть. И сейчас он старается не столько преуспеть в соревнованиях с соперником, который переписывает эти правила на ходу, сколько отстоять возможность играть по-своему. «Правила» – этот тот общественно-политический дискурс, который в глобальном масштабе конструируется прежде всего в США. Пока на Китай и все действия Китая на мировой арене большая часть мира смотрит глазами Запада, стабильность выстроенной в КНР системы будет под угрозой.

Нынешний процесс стремительной трансформации постбиполярного мира можно отслеживать в разных плоскостях. Одна из них – изменение подходов к информационному сопровождению внешней политики ведущих держав. Передовиком здесь выступил Китай.

Долгое время ожидали, что вслед за интеграцией в глобальное экономическое пространство и повышением уровня жизни населения в КНР неизбежно произойдёт либерализация режима «по восточноевропейскому сценарию». Потом, когда стало ясно, что Пекин не намерен отказываться от суверенного развития, фокус восприятия Китая сместился в сторону алармизма. С началом «торговой войны» и китайско-американского «декаплинга» позиционирование Китая как угрозы превратилось в настоящее геополитическое оружие в руках Запада.

Сам же Китай одним из первых осознал, что в игре на чужом поле по чужим правилам невозможно выиграть. И сейчас он старается не столько преуспеть в соревнованиях с соперником, который переписывает эти правила на ходу, сколько отстоять возможность играть по-своему. «Правила» – этот тот общественно-политический дискурс, который в глобальном масштабе по-прежнему конструируется прежде всего в США. Пока на Китай и все действия Китая на мировой арене большая часть мира смотрит глазами Запада, стабильность выстроенной в КНР системы будет под угрозой.

Эпоха «конца истории»: увлечение «мягкой силой»

Между тем так было не всегда. Китай начал возвращаться в качестве серьёзного игрока на мировую арену после десятилетия «культурной революции» и первых лет экономических реформ лишь на рубеже 1980–1990-х годов. То было время завершения холодной войны, крушения биполярной системы и триумфа западного общественно-экономического устройства, образа жизни и культуры в самом широком понимании этого слова. Устоять перед соблазном копировать это всё было невозможно.

Китай и не устоял, хотя казус июня 1989 года, когда пекинские власти высказали своё

«особое мнение» по поводу «продемократического народного движения», осложнил политические контакты со странами Запада. Тем не менее все 1990–2000-е годы Китай стремительно вестернизировался и перенимал не только технологии, но и смыслы, важным подспорьем для чего были создание глобального информационно-культурного пространства (спасибо спутниковому телевидению, а позже – Интернету) и глобализация элиты.

На уровне политических концепций также происходило активное заимствование западных достижений. В этот период вошла в моду концепция «мягкой силы», восходящая к трудам американского политолога Джозефа Ная и объяснявшая успехи США на мировой арене привлекательностью американской массовой культуры, быта и повседневности.

Китайские интеллектуалы попытались совместить подходы «мягкой силы» и наследие многотысячелетней китайской культуры, в величии которой они были твёрдо убеждены. Получившийся конструкт – «культурная мягкая сила» – на пару десятилетий стал основой продвижения Китая вовне.

С помощью «культурной мягкой силы» Китай пытался повысить свою привлекательность в глазах иностранцев и тем самым облегчить продвижение китайского капитала за рубежом и решение внешнеполитических задач невоенными методами. Именно для этого по всему миру открывались Институты Конфуция, миллионы тратились на различные стипендиальные программы, пресс-туры, стажировки, проводились олимпиады и всемирные выставки.

Впрочем, к рубежу 2000–2010-х годов стало понятно, что «культурная мягкая сила» работает не так эффективно, как хотелось бы. Вопреки ощущениям «конца истории», характерным для 1990-х годов, соперничество на мировой арене никуда не исчезло. Китай, который умело воспользовался открытостью Запада, но не променял свой суверенитет на высокие позиции в западных рейтингах, всё больше воспринимался как угроза. И чем больше он прилагал усилий по продвижению своей «культурной мягкой силы» за рубежом, тем активнее и грязнее были контрмеры со стороны США.

Уже в 2008 году в преддверии пекинской Олимпиады в западных СМИ сообщения об антикитайских протестах по поводу «свободного Тибета» или секты «ФалуньДафа» затмевали новости о подготовке столицы КНР к грандиозному празднику спорта. То, что в случае США называлось «инвестициями и технологическим трансфером», в случае Китая получало ярлык «экспансии и неокOLONиализма». Позже, пока весь «Фейсбук» молился за Италию, несшую тяжкие потери из-за COVID-19, на китайцев смотрели как на прокажённых, критиковали их пищевые привычки, а отдельные американские политики и вовсе дошли до того, что **начали требовать многомиллиардной компенсации от КНР**.

Стало ясно, что, пока Запад решает, кто «плохой», а кто «хороший», иначе быть и не может. Несмотря на то что пропасть в социально-экономическом развитии между бывшими колониальными метрополиями и Глобальным Югом сокращалась, общее доминирование Запада сохранялось. В попытках объяснить этот феномен китайские интеллектуалы перешли к поискам новых форм информационного сопровождения внешней политики.

Эпоха осыпающегося мира: поиски «дискурсивной силы»

Как ни парадоксально, ответ нашёлся опять же на Западе. Идеи Мишеля Фуко (1925–1984) и других постструктуралистов о *дискурсе* как системе смыслов, закладываемых в информацию, и о *власти* как реализации силы с помощью контроля над дискурсом, упали на благодатную китайскую почву.

Правда, китайцы довольно вольно обошлись с творческим наследием европейцев. «Дискурс – это и есть власть», «дискурс – это власть, за которую людям нужно бороться», «кто контролирует дискурс – тот организует мировой порядок» – эти цитаты из китайских работ по теории дискурса лишь отдалённо напоминают то, о чём писали Фуко и его коллеги.

Более того, китайские интеллектуалы максимально расширили пределы концепции, которая в их интерпретации стала охватывать и такие вопросы, как технологические стандарты и моральные установки. Во всех этих сферах надлежит выработать и усилить китайскую дискурсивную силу (即话语权, перевести можно и как «право голоса»). И только тогда получится говорить с Западом на равных и противостоять западной дискурсивной гегемонии. Причём как в соседних странах, так и в самом Китае, который также испытывает на себе мощь западного информационного влияния.

Нужно сказать, что китайцы не первыми бросили вызов Западу в формировании смыслов. Достаточно вспомнить катарский телеканал «Аль-Джазира» или деятельность российской медиакорпорации *RussiaToday* (кстати, и то, и другое является предметом пристального внимания китайских учёных, и в китайской базе научных данных *CNKI* имеются десятки академических статей, посвящённых анализу их дискурсивного влияния).

Китайцы наиболее точно сформулировали запрос на противостояние западному дискурсу как экзистенциальную задачу и начали наиболее системно претворять в жизнь концепцию дискурсивной силы. Неслучайно именно в Китае понятия «дискурса» и «системы дискурса» включаются в доклады руководства страны – прозвучали они и на недавнем XX съезде правящей Коммунистической партии. Пожалуй, нигде в мире больше не уделяют такого внимания этим концепциям.

Но пока Китай лишь в начале сложного пути и совершает немало ошибок. Попытки «косплеить» напористый и безапелляционный стиль западных спикеров в социальных сетях (так называемая «дипломатия боевых волков») играют против Китая. Внешнеполитические концепции, к которым можно отнести идею «Сообщества единой судьбы человечества» и инициативу «Пояс и путь», иностранцам кажутся запутанными и часто бессодержательными. Попытка поэкспериментировать со средствами цифровизации обернулась скандальной историей с «системой социального кредита». А имидж Китая как страны с продуманной и долгосрочной стратегией развития был подорван трёхлетней эпопеей с *COVID-19* – китайцы так и не смогли убедительно объяснить миру как своё упорство в проведении политики «нулевой терпимости», так и обвальное снятие всех ограничений.

Нельзя сказать, что Китай не добился никаких успехов. Дискурсивная сила – это способность навязывать другому язык, которым описываются реалии, а для этого нужно время. Китайцы продвигают концепцию «новой эпохи» (по факту это период с

2012 года, когда к власти пришёл Си Цзиньпин) – и вот уже появляются заголовки в российских СМИ о некой «новой эпохе российско-китайских отношений». Плотно вошли в экспертный лексикон такие выражения, как «китайская мечта», «Пояс и путь» – мы их употребляем, зачастую даже не задумываясь об их происхождении и смысле.

Другой пример – термин «ближкоарктическое государство» (北極圈內 國家). Его продвижение в международный обиход, наравне с концепцией, что Арктика – это общее достояние человечества, а не только лишь арктических держав, представляет собой хороший кейс того, что такое «дискурсивная сила» и как она применяется на практике. Грубо говоря, если всё время говорить, что *Китай – это ближкоарктическое государство*, через десять-двадцать лет ни у кого не возникнет вопросов, почему столь отдалённая от Северного полюса страна вмешивается в арктические дела.

Таким образом, текущий этап развития международных отношений – **время осыпания того мирового порядка**, который установился на короткий по историческим меркам период в пару десятилетий на рубеже XX и XXI веков. Но **осыпание** предполагает создание и новых несущих конструкций. И формирование новых, альтернативных друг другу «дискурсивных реальностей» – одна из них.

Впервые опубликовано Международным дискуссионным клубом "Валдай": Зуенко И.Ю. Как в Китае противостоят информационной гегемонии Запада. *Международный дискуссионный клуб "Валдай"*. 02.02.23. <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kak-v-kitae-protivostoyat-informatsionnoy-gegemonii/>

Источник: **Как в Китае противостоят информационной гегемонии Запада?**

ОБ АВТОРЕ

Иван Зуенко

ведущий научный сотрудник Института международных исследований

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: китаистика

Область экспертизы: политическое развитие Китая

Профессиональный опыт: Дальневосточный федеральный университет, МГИМО МИД

